

3 (125)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

ЦЕРКОВЬ – ЭТО ЦЕЛОКУПНОСТЬ ВСЕГО НАРОДА БОЖИЯ

Из доклада Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви

...О каком бы аспекте церковной жизни мы ни говорили, нам всегда следует помнить главное: мы – Церковь Христова, Церковь апостольская, Церковь святых отцов, Церковь мучеников и исповедников.

Церковь – это не только священно- и церковнослужители. Церковь – это целокупность всего народа Божия, возглавляемая богоустановленной иерархией, соединяемая в живое духовное единство Самим Христом.

Усилия по повышению роли мирян являются важнейшей задачей иерархии, которой надлежит всячески способствовать осознанию верующими своей ответственности за судьбу Церкви.

Укрепление соборного начала означает и последовательное развитие различных форм советования иерархии с Полнотой церковной по важнейшим вопросам ее бытия.

Вдохновляясь этой идеей, в соответствии с решением Поместного Собора 2009 года, мы учредили уникальный и постоянно действующий соборный орган – Межсоборное присутствие.

Но развитие соборного начала в Церкви возможно лишь с одновременным укреплением и совершенствованием иерархической власти.

Окончание на с. 3
(Фото с сайта mospat.ru)

ЖИЗНЬ В ДВИЖЕНИИ

К восьмидесятилетию юбилею Никиты Алексеевича Струве

– Никита Алексеевич, когда и как Вы стали верующим человеком? Вы помните этот момент?

– Я рос в семье, которая не была особенно верующей. Моя мать происходила из семьи Катуар – московских обрусевших французов (под Дмитровом есть село Катуаровка – там было их поместье). Она была католичкой (ради единства с детьми приняла православие). Мой отец был скорее равнодушен к церкви. Но на Пасху и на Рождество нас все-таки водили на праздничное богослужение. Круг моих родителей был скорее светский.

Церковным, православно убежденным человеком я стал постепенно, сначала под влиянием моего дяди Аркадия Петровича Струве, глубоко верующего человека. Он обратился в веру ещё юношей, во время революции, глядя на антирелигиозные плакаты. В эмиграции, после Второй мировой войны он был секретарем выдающегося архиепископа Сергея (Королёва) – в Праге и затем в Берлине, даже съездил с ним в Москву в 1948 году...

Потом состоялась моя встреча с Русским студенческим христианским движением, под влиянием моего брата, студента-медика, который был знаком с будущим владыкой Антонием (Блумом), врачом и членом Движения.

На меня оказали большое влияние ливанские и сирийские студенты Свято-Сергиевского Богословского института. Мы

очень подружились с ними. Оба стали выдающимися деятелями Сиро-ливанской Церкви: Георгий (Ходр) ныне митрополит Гор Ливанских, и Игнатий (Хазим) – ныне патриарх Антиохийский.

Встреча на съезде Движения в 1948 г. с моей будущей женой, Марией Александровной Ельчаниновой¹, тоже имела большое значение. Но выделить здесь какой-то единый момент невозможно: влияние было именно общее, я бы сказал, общинное, соборное.

Следует упомянуть здесь и отца Василия Зеньковского, бессменного председателя Движения, позже главу Богословского института, выдающегося ученого-историка русской религиозной мысли, при этом самого скромнейшего человека, какого я когда-либо встречал. Он был прекрасный проповедник, мог в пятиминутной проповеди коснуться главного, насыщенного. До сих пор помню его доклад о Хомякове, меня вдохновивший.

– Здесь, в России, Вы в первую очередь известны как издатель многих важных книг. Как Вы стали издателем?

– Когда ИМКА-Пресс в 1952 г. была передана Русскому студенческому христианскому движению, меня пригласили заняться на добровольных началах издательством (я в то время был университетским профессором русского языка и литературы). Тогда же я принимал ведущее участие в издании движенического журнала «Вестник РСХД», не будучи формально редактором, писал передовицы. «Вестник» попадал в Россию, и у меня установились там разные связи – прежде всего с общиной отца Александра Меня. Сам отец Александр не рисковал слишком открыто со мной общаться, но через молодежь из его круга и через сотрудников французского посольства установилось потаенное, но деятельное письменное общение, даже больше – со-

трудничество. Нам удалось никого не подвести, я в советскую Россию не ездил принципиально, но и ради того, чтобы мои связи не были обнаружены. У меня был в раннем отрочестве некоторый опыт немецкой оккупации, так что мне было понятно, как необходимо быть осторожным.

Серьезный поворот в моей издательской деятельности произошел после того, как мне написал письмо, еще из России, Александр Исаевич Солженицын. Он просил меня издать в Имка-Пресс первый том «Августа 1914» как можно более конфиденциально и быстро. Это удалось исполнить; мы с моей женой сами читали корректуру, чтобы в издании было посвящено минимальное число исполнителей. Так началось мое с ним многолетнее сотрудничество.

– С 1990-х годов церковь в России получила свободу. Что из Ваших ожиданий, связанных с возрождением церковной жизни, оправдалось, а что – нет?

– Церковь обрела свободу, начала жить нормальной жизнью без оглядки на правительство, но после стольких лет разрухи, преследований естественно, что творческое начало в Церкви, которое было столь значительно в годы перед революцией, не последовало за ее восстановлением.

– Как произошла Ваша встреча с отцом Георгием Кочетковым?

– В общине отца Георгия я почувствовал что-то сходное с тем, что было у нас в РСХД, хотя и в несколько другом выражении. Я увидел, что здесь есть не только зародыш, но и постепенное осуществление общинного, соборного начала церкви, – с миссионерской открытостью к миру. Я всегда с радостью участвую в съездах Преображенского братства и вижу в них проявление именно соборного начала.

Окончание на с. 6
(Фото Анатолия Мозгова)

В номере:

Отцы и дети

О «парижанах» разных поколений рассказывают несколько разных материалов на с. 2 и 8

«Вы пришельцы и поселенцы у Меня...»

Фрагменты прочитанного на «Сретенских чтениях» доклада Ольги Сушковой

«О понятии ger (пришелец) в Ветхом Завете»

С. 4

Соборно или келейно?

Доклад Марины Верховской «Личное молитвенное правило в традиции Православной церкви: история и современная практика»

С. 5

Рыцарь свободы и веры

Интервью с ректором СФИ свящ. Георгием Кочетковым о главном редакторе журнала «Вестник РХД», члене попечительского совета СФИ Никите Алексеевиче Струве

С. 6

150 лет назад было отменено крепостное право в России

О том, что это значит для нас сегодня, размышляют проф. Андрей Зубов и журналист Александр Буров

С. 7

В приложении «Открытая встреча» интервью со свящ. Георгием Кочетковым «Изгнание бесов. К 130-летию со дня кончины Федора Михайловича Достоевского»

¹ Дочь о. Александра Ельчанинова

18–19 февраля в Орловском государственном университете состоялись очередные, уже пятые по счету, «Булгаковские чтения». Можно сказать, что вокруг этого представительного форума складывается отечественное булгаковедение.

На конференции, в которой приняли участие в общей сложности около 60 человек, прозвучал ряд интересных докладов. Предлагаем нашим читателям в незначительном сокращении доклад Бориса Колымагина «О. Сергей Булгаков глазами о. Александра Шмемана»

Отцы и дети

Известный проповедник, историк Церкви, мыслитель протопресвитер Александр Шмеман закончил Свято-Сергиевский парижский богословский институт, знаменитый Saint-Serge. Студенты его выпуска были последними из тех, кто прослушал курс о. Сергия Булгакова. Таким образом, Шмеман был одним из свидетелей тех последних, предсмертных лет Булгакова, когда «лишенный голоса, с вырезанным горлом, читал он лекции уже каким-то почти неслышным шепотом и так очевидно для всех сгорал в светлом пламени конца, отрешенности, ожидания близкой смерти».

Воспоминания об о. Сергии его пускай и не близкий, но все же ученик написал через двадцать лет после его смерти и опубликовал в «Вестнике РСХД». Эти воспоминания свидетельствуют о том, что хотя о. Александр многое не принял в учении о. Сергия (как пишет о. Иоанн Мейендорф, Шмеман никогда не увлекся социологическими умозрениями Булгакова — при огромном личном к нему уважении), по духу это были близкие люди.

Для Шмемана труды Булгакова наряду с работами Флоровского стали свидетельством о Церкви: «И вот я помню, как шестнадцати или семнадцати лет я прочел почти случайно две, хотя и совершенно разные, но в равной мере «пленившие» меня книги — «Купину неопалимую» о. Сергия Булгакова и «Пути русского богословия» о. Георгия Флоровского. Я, наверное, очень мало что понял в них тогда, как не знал и того, что написаны они «идейными врагами». Но я твердо знаю, что именно благодаря этим двум книгам, именно в ту памятную весну нашел я свое и себя и стал на тот путь, который, несмотря на все трудности, искушения, испытания и падения, составляет единственный смысл моей жизни. Что дал мне тогда о. Сергей? Дал тот огонь, от которого только и может возгореться другой огонь. Дал почувствовать, что только тут, в этом прикосновении к Божественному свету, к его исканию и созерцанию — единственное подлинное назначение человека, та «почетость горного звания», к которой он призван и предназначен. Окрылил своим горением и полетом, своей верой и радостью. Приобщил меня к чему-то самому лучшему и чистому в духовной сущности России. И я уверен, что то же самое дает он и тем, кто открывает его сейчас, открывает там, где отрицается и преследуется сама память о духе».

Шмеман вслед за Булгаковым был в известной степени славянофилом, его вселенность была неотделима от «души народа», души России. Эти мифологемы покоились не на идеологии, а на культуре, на знании отечественной литературы, живописи, философии.

Но главное не в этом: труды Булгакова покоятся на опыте Присутствия и отражают этот опыт даже там, где речь идет о чистых абстракциях, рассудочных построениях.

Этот опыт Присутствия роднит Шмемана и Булгакова. И именно этот опыт делает первого внимательным учеником второго.

В своих воспоминаниях Шмеман обращает внимание читателей на служение отца Сергия в храме: «И вот навсегда, на всю жизнь запомнилось мне лицо, лучше сказать — лик о. Сергия, на которого, стоя близко от него, я, должно быть, случайно взглянул в этот момент. Никогда не забуду его святящихся каким-то тихим восторгом глаз, и слез его, и всего этого устремления вперед и ввысь, точно, действительно, в ту «преднюю весь», где уготовляет Христос последнюю Пасху с учениками Своими».

Окончание на с. 8

НА РАССТОЯНИИ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ ОТ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Интервью с преподавателем Свято-Сергиевского института свящ. Николаем Лосским

— О. Николай, помните ли Вы лично о. Сергия Булгакова? Какое отношение к нему было в Вашей семье?

— Я о. Сергия лично не очень помню. Он почти одного возраста с моим дедом. Мой дед жил в Праге, но каждый год приезжал принимать экзамены по философии в Сергиевском институте. Они с о. Сергием знали друг друга с самого начала XX века, вместе были высланы из Петрограда и были очень близкими друзьями.

В 1935 г. владыка Сергей (Страгородский) попросил моего отца написать ему отчет о софиологии. Мой отец написал отчет критический, владыка Сергей осудил софиологию (между прочим, и некоторые другие богословы Сергиевского института тоже, например, о. Георгий Флоровский).

Я написал недавно статью в Православную энциклопедию, которая сейчас выходит в Москве. Это воспоминания о моем дедке, в которых рассказывается точно и ясно про кризис отношений между моим отцом и о. Сергием Булгаковым. Нам, студентам, мой отец (он был профессором догматики и истории церкви), говорил, что самый великий богослов XX века — это именно о. Сергей Булгаков. (Нужно сказать, что о. Сергей говорил, что когда мой отец станет постарше, он станет величайшим богословом. Сейчас в «Богословских трудах» издают диссертацию, которую мой отец закончил буквально в день своей смерти). Книга «Спор о Софии» была издана в результате давления членов братства свт. Фотия на руководителя братства моего отца. Сам же он этого не хотел, говорил, что если издавать книгу, то нужно писать о трудах о. Сергия не отрицательно, а положительно, что содержащийся в них уклон можно очень легко исправить и книги о. Сергия станут абсолютно православными. Но написать и опубликовать это он не успел, он слишком рано скончался.

Мне кажется очень важным, что перед смертью о. Сергия (он скончался в 1944 году) мой отец написал ему письмо, и они примирились.

— А с матерью Марией (Скобцовой) Вам приходилось встречаться?

— Она погибла в войну, когда я был еще очень молодым. Но я помню, как ходил на лекции по истории Церкви, которые мой отец читал на Лурмелль. Он начинал с первого Вселенского собора и объяснял, кто такой Арий. И в конце лекции к нему подходили и говорили: «Но то, что говорил Арий — это же гораздо интереснее того, что сказал собор». Мой отец был в ужасе. Он серьезно относился к этому.

— А кто приходил на эти лекции?

— Приходили разные люди, но, как всегда у матери Марии, собирались прежде всего те, кто нуждался.

— То есть это был простой народ?

— Да, это был простой народ. Но приходили также и знающие, и те, которые говорили, что Арий гораздо интереснее и т.п.

— Она как-то стремилась еще и образовывать народ, а не только кормить?

— Да.

— И она как-то сама вела эти встречи, там какая-то дискуссия предполагалась?

— Да-да.

— Вы ее помните внешне? Какая она была?

— Такая скромная монахиня в грязной рясе.

— Она ведь прославлена в Константинопольском патриархате...

— Я надеюсь, что очень скоро Русская церковь тоже её прославит.

— А приходилось ли вашей семье пользоваться помощью ее столовой?

— Нет. Мы жили очень бедно, как большинство русских эмигрантов. Но мой отец получал жалование.

— А Николай Александрович Бердяев был у ваших родителей?

— Он был московским, но приходил к нам. Его я помню как человека, которого очень ценили французы-персоналисты. Мой отец говорил, что его страницы о персонализме очень хорошего качества. Он действительно сыграл большую роль в установлении взаимоотношений между православными во Франции и французами.

— Ваш отец был связан с кругом французских философов, если я правильно помню?

— Мой отец ходил на собрания, на которых появлялись такие люди, как Сартр. Я помню, что больше всего он ценил Камю.

— Для этого круга французских философов Бердяев что-то значил?

— Да. Но он не ходил на эти собрания. Я помню, меня водили туда с десятилетнего возраста и даже раньше, так как я был старшим из детей в семье. Я слушал, но мало что понимал. Только потом я начал понимать, о чем идет речь.

— Это были религиозно-философские собрания?

— Католики, протестанты и философы из Сорбонны собирались и на очень высоком уровне обсуждали философско-религиозные вопросы.

— А кто еще из русской эмиграции, кроме Вашего отца, участвовал в этих собраниях?

— О. Иоанн Мейендорф. Я сейчас, кажется, единственный в Париже, у кого дома есть вся коллекция того, что они издавали. Они издавали журнал, который называется «Жив Бог». У меня сохранились все 26 номеров. Там есть очень интересные статьи.

Мой отец был связан со всеми выдающимися католиками, так как он с детства был влюблен во Францию (прежде всего потому, что они очень любили свою французскую гувернантку, которая стала почти членом семьи, хотя и не уехала в 1922 году, а осталась в России). Он два года учился в Петербургском университете до отъезда и там познакомился с французским средневековьем. Это была его страсть, и он всю свою жизнь отдал этому. Когда он приехал в 1924 году в Париж, он закончил Сорбонну. И он, и о. Георгий Флоровский — они оба нигде не учились богословию, они любители, которые сами себя научили. В Сорбонне мой отец окончил курс средневековой истории и стал ходить на лекции Этьенна Жильсона, специалиста по богословию, философии и истории средних веков, с которым очень подружился и дружил до самой смерти.

Благодаря Этьенну Жильсону мой отец был знаком со всеми выдающимися людьми, такими как Даньелю, де Любак, Буйе. У меня есть здесь самый первый том *Sources Chrétiennes*, который вышел в 1942 году. Это Даньелю, перевод «Жизни Моисея» Григория Нисского, подписанный для моего отца. Он часто приходил к нам в гости и говорил такие страшные, с точки зрения католичества, вещи по поводу филиокве, но, конечно, об этом никогда не писал.

В нашем доме были лекции выдающегося католика-бенедиктинца Ламбера-Бодуэна. Преподаватели Свято-Сергиевского института — и о. Александр Шмеман, и о. Борис Бобринский, и К. Андроников — все приходили к нам слушать эти лекции.

— То есть было тесное богословское общение с католиками? Происходило ли при этом взаимное обогащение?

— Да, несомненно. Например, один доминиканец и мой отец очень спорили по поводу «филиокве» и роли Святого Духа в спасении. И после смерти моего отца он издал свою трилогию, где третья книга была именно о Святом Духе. Я думаю, что это произошло под влиянием их бесед.

Я бы вообще сказал, что те, кто в 1920-х оказался во Франции, то есть в контакте с неправославными, и не сидел «на чемоданах», думая, что вот сейчас упадет советская власть и можно будет вернуться в Россию, решили, что есть Божий промысел в том, что они оказались на земле, которая была в тот момент неправославной. Но она была православной гораздо раньше России, две тысячи лет назад. И они задали себе два вопроса. Первый: связано ли православие с какой-нибудь культурой (русской, сербской, греческой, арабской и так далее)? И на это они ответили: нет. Православие вселенское, поэтому всякая культура может быть оцерковлена православием, должна найти свои православные корни. Второй: что такое православие? Если это не куличи¹, то самое лучшее определение православия дал о. Сергей Булгаков. Православие — это Церковь Господня на земле. Церковь Христова — это не учреждение, а новая жизнь во Христе, движимая Святым Духом во Славу Отца. И они поняли, что в этом и состоит православие, и что его нужно все время очищать от исторических напылов, потому что история все время пристраивает к основному — жизни во Христе — разные прибавки, вещи, которые не относятся к сердцу православия. Православие нужно очищать и себя нужно очищать от этих искушений.

— А как Вам кажется, Русской церкви здесь, во Франции, удается сохранять этот дух православия, который тоже нам очень дорог в том определении, в котором Вы это сейчас сказали?

— Некоторым — да, другим — нет.

— От чего это зависит?

— Я не знаю. Очень трудно ответить на этот вопрос. Есть люди, которые ходят в церковь, потому что они русские или русского происхождения. Я помню, когда я преподавал в университете, у нас были греческие студенты, которые всегда ходили ко мне на лекции, потому что знали, что я православный. И обычно между нами происходил такой разговор. Я им задавал вопрос:

— Вы — православный?

— Да, но я атеист.

— Т.е. Ваше православие — это изменение вашего эллинизма?

— Да-да.

— Другими словами, Вы православный, потому что Вы — грек.

— Да.

— А кем Вы меня считаете?

— А Вы — русский, это мы вам дали православие.

— А если я скажу, что я французский православный?

— Нет, это невозможно!

Мой младший сын женился на англичанке. Она была из семьи баптистов, а баптисты, как вы знаете, в детстве не крестят. Для того чтобы совершить таинство брака, надо было, чтобы она была крещеной. И мой сын говорил мне, что так как она англичанка, она должна стать англиканкой. Мы же его убедили в том, что она должна выбрать сама, и в конце концов она крестилась в православие. Французский штамп в паспорте не означает, что ты — католик. Наш приход очень смешанный, в основном французы, которые перешли в православие.

Наш приход на 100% франкоязычный, потому что мы считаем, что вся история русской церкви, призвание русской церкви — это миссия. Но миссия не в том смысле, чтобы переводить в православие, а в том, чтобы напоминать о том, что наши общие корни, истоки — это чистое православие. И для меня экуменическое движение (не экуменизм, я это слово не признаю) — это движение к истокам, которые дают нам новую жизнь.

Беседовали Юлия Балакшина и Анастасия Наконечная

¹ Не пасха, потому что пасха — это подарок крещаемому при крещении. Во Франции, когда крестят, раздают конфеты этого же типа, это как символ «новой земли», где «молоко и мед». А куличи происходят от остатков язычества (о. Н.Л.).

ЦЕРКОВЬ – ЭТО ЦЕЛОКУПНОСТЬ ВСЕГО НАРОДА БОЖИЯ

Из доклада Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви

Окончание. Начало на с. 1

Всем нам следует помнить о том, что источник власти епископа – от Бога, чрез преемство апостольское, а не в полномочиях, делегированных ему людьми.

Усиление роли народа Божия возлагает большую ответственность на епископат и на органы центрального церковного и епархиального управления – и в плане развития соборного начала, и в плане обеспечения единства, преодоления могущих возникнуть опасных для этого единства разномыслий.

Таким образом, усовершенствование церковного управления представляет собой сегодня двуединую задачу: развитие соборности и укрепление иерархической власти.

...Год назад я говорил о том, что нам следует отдавать приоритет не монументальному храмостроительству, а созиданию простых, быстро возводимых и недорогостоящих храмов, в первую очередь в тех местах, где трудно собрать необходимые для строительства средства. К сожалению, пока статистика соотношения численности населения и количества приходившихся на него храмов весьма неутешительна. Если взять, к примеру, среднюю цифру по России, то на один храм приходится 11 600 человек населения, исторически относящегося к Православию. И даже лучший показатель по России – 3 000 человек на один храм.

Закономерен вопрос о том, где взять священнослужителей для большего, чем сейчас, числа храмов. Ответу, что не стоит жестко увязывать две задачи. Храмы, часовни, молитвенные дома, молитвенные комнаты следует открывать везде, где только можно, в максимальном числе населенных пунктов. Может быть, в большинстве из них служба не будет совершаться регулярно, но даже периодический приезд священника, раз в месяц или полтора, значительно расширит пастырскую работу с людьми. А если найдется ответственный человек из местных жителей, кто сможет совершать службы, не требующие неперемного участия священнослужителя: чтение изобразительных, канона, вечерни или утрени, с опущением молитвословий, произносимых священником, то это, несомненно, будет духовной поддержкой для людей, не имеющих возможности посещать храм, находящийся в отдалении от места про-

живания. Особенно это важно в тех регионах, в частности, дальневосточных, где активно действуют сектанты. Полагаю, что следует разработать общецерковную программу увеличения численности приходов.

...Я упомянул о том, что резкое увеличение численности духовенства едва ли возможно в короткие сроки. Скажу более: сейчас важно обратить особое внимание на качество подготовки священнослужителей. Архиерейские Соборы предыдущих лет неоднократно указывали на необходимость перейти к практике рукоположения в священник сан исключительно лиц, имеющих духовное образование. К сожалению, нам еще не удается в полной мере реализовать эти постановления. Вместе с тем нельзя мириться с этим положением, привыкать к нему. Что касается епархиальных должностных лиц, настоятелей кафедральных соборов, городских благочинных, то они призваны к получению академического образования, без которого назначение на указанные должности вызывает сомнение. Одновременно с установлением более строгого подхода к образовательному цензу для клириков следует продумать вопрос о развитии для священнослужителей курсов повышения квалификации. Ведь как бывает: служит священник 5–10 лет и постепенно забывает, чему его в семинарии учили. Отсюда нередко рождаются маргинальные, основанные на богословской и духовной безграмотности движения, результаты деятельности которых нам всем хорошо известны.

...Сегодня задачей общецерковного значения является создание научно-богословской школы. Прикладная роль богословия как в образовании, так и в поиске ответа на актуальные вопросы церковной жизни может развиваться лишь на прочном академическом фундаменте. Следует создавать все необходимые условия для ведения научной работы в Духовных академиях и иных церковных учебных заведениях. Такая работа должна рассматриваться не как личное дело преподавателей, а как неотъемлемая часть их церковного послушания.

В сфере научной коммуникации большая роль традиционно принадлежит конференциям, семинарам и научным обменам. Они позволяют представить результаты работы цер-

ковных ученых, объединить их усилия. Важным вкладом общецерковных конференций в развитие церковной науки стало то, что благодаря им было создано пространство открытой и одновременно ответственной дискуссии, был установлен высокий стандарт научной коммуникации и взаимодействия.

Развитие богословской науки в нашей Церкви невозможно сегодня без расширения взаимодействия с зарубежными и российскими научными центрами. Постоянный научный обмен является залогом достижения и поддержания высокого академического уровня. Новой задачей, которая стоит сегодня перед церковными научными учреждениями, является начало серьезного профессионального междисциплинарного диалога со светскими академическими науками, причем не только гуманитарными и общественными, но и естественными.

...Очень многое для миссии можно сделать, даже не выходя из храма. Сам храм притягивает к себе сотни и тысячи людей из числа тех, кто был крещен, но не воцерковлен. Такого человека в храме должен встречать не грубый отпор активистов не по разуму, включая стоящих за свечным ящиком, а приходской миссионер, который объяснит, какие святые находятся в храме, тактично подскажет, где поставить свечу и как перекреститься, а заодно – и это самое главное – зачем и почему это нужно. Если беседа завяжется, можно потом и обменяться номерами телефонов, продолжить общение и в итоге привести человека к воцерковлению. С этой же целью приходской миссионер мог бы организовывать экскурсии. Беседы во внебогослужбное время. Возможностей – множество.

...Назрела необходимость в повсеместном создании катехизических курсов для взрослых. При этом нужно выработать гибкую систему подготовки людей ко Крещению и катехизации после него, которая предполагала бы различные подходы. Для усиления миссионерской деятельности на приходе следует создавать семейные, молодежные, подростковые и детские клубы, кружки и досуговые центры, школы молодых семей. Можно также рекомендовать создание миссионерско-апологетических интернет-ресурсов при каждом епархиальном миссионерском отделе.

ПРИЗВАНИЕ И СЛУЖЕНИЕ

С 12 по 14 февраля, накануне празднования Сретения Господня, в Подмоскowie состоялась традиционная ежегодная встреча Преображенского братства – XII Сретенский собор. На нем члены братства, приехавшие из разных городов России и ближнего зарубежья, подвели итоги жизни Содружества в прошедшем году.

«Мы все призваны к возрождению полноты жизни в Церкви и всех служений в ней, – сказал духовный попечитель Преображенского братства свящ. Георгий Кочетков. – Но все ли мы этого хотим? Единственный критерий членства в братстве очень прост: любишь ли ты Бога и Церковь настолько, что хочешь ее возрождения в полноте и готов служить этому? Все остальное вторично».

По общему решению членов Преображенского братства, в следующем году особое внимание будет уделяться вопросам призвания и служения Богу и Церкви. Была определена тема

предстоящей конференции Содружества, которая пройдет с 28 по 30 сентября в Москве, – «Служение Богу и человеку в современном мире».

Вопросы служения мирян в церкви были центральными на всех встречах этого Сретенского собора: обсуждалось воспитание детей в духе служения; возможность православной молодежи, которые позволяют им стать активными миссионерами; на встрече Братства милосердия говорилось о том, с какими трудностями сталкиваются пожилые верующие, желающие послужить Богу. Отдельная встреча была посвящена пятилетию Иннокентьевского миссионерского общества, на которой его члены поделились опытом миссии, основой которой всегда является милосердная любовь к неверующим людям.

Большое значение для осознания того, что необходимо для осуществления призвания, имели встречи, по-

священные вопросам различения таких понятий, как «работа», «доброе дело», «послушание» и «служение», а также воплощения православной аскетической традиции в жизни общины и братств.

На соборе состоялась презентация только что изданной книги «Отчеты блюстителя о жизни Трудового братства» – третьего тома сочинений Н.Н. Неплюева, подготовленного издательством Преображенского братства. В прошедшем году обсуждение трудов Н.Н. Неплюева и опыта жизни Крестовоздвиженского трудового братства позволило членам Содружества по-новому взглянуть на цель и смысл существования братств в церкви.

Завершился XII Сретенский собор Вечерней праздника Сретения Господня.

Наталья Адаменко, Дарья Макеева
Информационная служба
Преображенского братства

Как не поддаться отчаянию

«Я снова увижу вас, и возрадуется ваше сердце, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16:22)

23 февраля наши друзья и мы, молодёжь Преображенского братства, отправились на выставку «Неперемолотые».

Конференц-зал загородного дома Культурно-просветительского центра «Преображение» в с. Красное, где разместились экспозиция, выглядит немного непривычно. Но одна из стен – та, на которой висит мозаика Александра Корноухова «Воскресение Христово» – как будто ждала нового окружения – экспонатов, ставших немymi свидетелями воплощения этого сюжета в жизни святых, от которых нас отделяют всего несколько десятилетий.

Поразительно, как один-два-три-четыре-пять человек (а ведь все друг о друге не знали) могли противостоять безумию, в котором участвовали миллионы. Но этих единиц было много, и их опыт, в котором есть отпечаток Божией любви и силы, свидетельствует о реальном сопротивлении народа демоническому механизму, охватившему его в XX веке. Об этой борьбе говорят и письма, и фотографии. Вот – красноармейцы, участники карательных операций; вот – союз воинствующих безбожников. Лица жёсткие, потерянные, ненастоящие. Николай Бердяев писал, что «в стихии большевистской революции» его «более всего поразило появление новых лиц с небывшим раньше выражением», что «появились совершенно новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе», «новый антропологический тип», «столь же милитаризованный, как и тип фашистский». А вот – священномученик Павлин (Крошечкин) в архиерейском облачении с улыбающимся лицом, смеющимися добрыми глазами. Вот его ученик, архимандрит Таврион (Батозский), и его «сёстры» – женщины, готовые пойти за ним, куда бы он ни направился. Очень запомнился рассказ Александра Михайловича Копировского об отце Таврионе и жизни у него в пустыньке под Елгавом: о христианской простоте, о том, как менялись там люди – «шелуха спадала». Поражает, насколько это всё близко. И духовный попечитель нашего братства отец Георгий, и Александр Михайлович учились у отца Тавриона, а мы можем учиться у них.

Большое впечатление на нас произвели рисунки о лагерной жизни, напомнившие творчество Евфросины Керсновской. Люди на них – обтянутые кожей скелеты с «хвостами» – торчащими копчиками.

Особые экспонаты – лагерные богослужебные сосуды: кружка, миска, корка хлеба, клюква, заменяющая вино.

Вот что сказали нам о выставке наши гости и друзья:

Иван Ридель, 19 лет: «Выставка очень целостная, полноценная, показывает гонения и противостояние им. Внешнее поражение не означает внутренний слом. Эта выставка лишает повод для отчаяния. Люди даже в таких условиях смогли не только оставаться собой, но и стать примером для других, сохранить веру и убеждения».

Денис Дорошко, 23 года, программист: «Ужасают последствия и жестокость репрессий. Понимаешь, что это происходит совсем рядом и совсем близко, в твоей стране, с твоими близкими предками (ровесниками родных бабушек и дедушек, которые еще живы). Героизм, мужество и верность людей, которые несмотря на все эти страшные действия, остались верными, сильными, твердыми в себе, в своих убеждениях, впечатляет».

Перед каждым из нас, выросших уже в постсоветскую эпоху, выставка ставит очень непростые, неудобные вопросы. Как нам хранить память об этих людях, принявших мученическую смерть? Достаточно ли просто восстановить факты, хранящиеся в исторических архивах? Что произошло с людьми, которые заставляли других людей живыми закапывать себя в землю? Что мы можем противопоставить страшному опыту, к которому приобщился наш народ в XX столетии, а значит – приобщились и мы?

Отчасти ответ, отчасти вызов содержится в самом опыте «неперемолотых», в их ни из каких внешних обстоятельств логически не следующей свободе и вере, в невозмутимом подвиге – и в нашем собственном, пусть небольшом, но реальном опыте жизни в братстве. И то и другое дает необъяснимую надежду и вдохновение, как какой-то аванс, дар, о котором никто из нас уже не сможет без измены сказать, что о нем не знает и его не получил.

Яков Вайсбурд, София Андросенко
Молодежный круг Преображенского братства
(Фото Дмитрия Сегалы)

НАУКИ ЮНОШАМ

В Свято-Филаретовском православно-христианском институте прошли XVII Сретенские чтения

Чтения открылись пленарным заседанием, на котором прозвучали доклады преподавателей и выпускников СФИ и секретаря Ученого совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры Александра Мраморнова. Доклад гостя СФИ был посвящен методам репрессий против духовенства, практиковавшимся в первые годы советской власти революционными трибуналами.

После пленарного заседания участники конференции разошлись по секциям, общим числом пять: миссиология и катехетика, Священное писание и библистика, церковно-историческая и др. С докладами на конференцию приехали студенты из многих городов: Санкт-Петербурга (Русская христианская гуманитарная академия), Сергиева Посада (Московская духовная академия), Минска (Институт теологии им. свв. Мефодия и Кирилла), Белгорода (Белгородская духовная семинария) и др. Хотя конференция называется студенческой, в ней традиционно принимают участие и преподаватели СФИ, однако в этом году наплыв участников-студентов был так велик, что преподаватели (исключая пленарное заседание) скромно отодвигали свои доклады на самый конец — если время останется.

Студенты МДА:

Участие в таких конференциях — это прежде всего общение со студентами из других учебных заведений, но даже если между собой — это обмен мнениями, это апробация своей работы. Одно дело книжку почитать, и другое, когда ты выступаешь

перед аудиторией, которая тебя критически оценивает, высказывает замечания. Ты лучше видишь слабые стороны своей работы, и это помогает научному совершенствованию. Когда ты среди своих, ты можешь прогнозировать их реакцию, а когда встречаются студенты разных учебных заведений — здесь уже ситуация сложнее. В СФИ, например, много взрослых людей, уже в сознательном возрасте, у нас в МДА в основном молодежь. Но все равно каждый занимается тем, что ему интересно, и вот так складывается не только широкое научное поле, с которым ты можешь соприкоснуться, но ты лучше узнаешь церковный народ, что его волнует, какие у него устремления.

Давид Гэззян, профессор СФИ:

Наша конференция с каждым годом вызывает все больший интерес у внешних участников, не студентов нашего института, при том что мы никаких особых усилий для этого не прикладываем. В этом году, например, число участников из Московской духовной академии значительно больше, чем раньше. Складывается площадка, где можно свободно высказываться на любую острую тему. Усилия мысли требуют практически любая область церковной жизни. Например, самая банальная вещь: что считать нормой — причастие раз в неделю, раз в месяц или раз в год. Надо ввести какой-то диапазон, признанный всеми: что вот в этих пределах нормально, а в других уже нет. Никакого единства по этому поводу не зафиксировано. Де-факто одни считают, что нормально раз в год, поскольку в синодальный период такая норма суще-

Фото Александра Волкова

ствовала — а до синодального периода вообще никакой нормы в Русской церкви на этот счет не было, люди могли годами не причащаться.

Другой вопрос: как совершать богослужения. То, как они совершаются сейчас, это смесь Типикона, локальных традиций, которые не соответствуют церковному Уставу и вообще непонятно откуда взялись, плюс личное мнение настоятеля. Одни яростно отстаивают нынешние формы, другие требуют хотя бы восстановить исторический смысл и не служить утреной вечером, идут споры о том, что считать центром богослужения, а что периферией. Как народ должен участвовать в богослужении — у нас проблемной сферы, в том числе там, где принято думать, что вот это неизбежно едва ли не с апостольских времен, просто нет. И это все вещи решаемые при условии адекватного восприятия того, что означает церковный механизм решения таких проблем. Для этого и нужны форумы, чтобы люди могли высказаться, ведь до сих пор не было

принято никого ни слушать, ни спрашивать. А сейчас есть возможность хотя бы отреагировать на суждение.

Так что пространство религиозной мысли потихонечку расширяется, мыслители раскрепощаются. Много в этом смысле делает Межсоборное присутствие. Весь спектр вопросов, которые им обсуждаются, от канонического устройства до богословских нюансов, это все наболелишие вопросы. Запущена общецерковная дискуссия предлагаемых документов, то есть фактически есть возможность через различные средства информации, в первую очередь через Интернет, отозваться на документы. Принимаются они, по крайней мере формально, при широком обсуждении. Это беспрецедентно для всей церковной истории после московского собора 1917–1918 гг. И это безусловно позитивное движение.

«ЕЖ», Светлана Солодовник
Текст приводится с сокращениями
Некоторые из прозвучавших на Чтениях докладов мы публикуем в этом номере

«Вы пришельцы и поселенцы у Меня...»

В Писании Ветхого завета есть несколько слов, обозначающих человека, который не является коренным жителем данной страны. В русских переводах это выражается такими словами, как: иноплеменник, чужак, переселенец, пришелец/пришлец, поселенец. В еврейском языке им соответствует также несколько слов (не менее четырех).

Я собираюсь остановиться на понятии *ger* (в Синодальном переводе, как правило, это слово передается как *пришелец/пришлец*, в переводе Российского библийского общества (РБО) — *переселенец*).

ПОЧЕМУ МНЕ ПОКАЗАЛАСЬ ВАЖНОЙ ЭТА ТЕМА?

Во-первых, потому, что почти о каждом из израильских патриархов в соответствующем месте говорится, что он — *пришелец (ger)*, мигрант, или пришел и поселился (соответствующим глаголом — *gur*). Во-вторых, потому, что такие «геры», так сказать, во множестве ходят по московским улицам.

Это иностранец-мигрант, который по каким-то причинам вынужденно покинул родину и свой народ и поселился в данной стране на более или менее продолжительный срок. Он, следовательно, лишен и родных, и какого бы то ни было имущества, в противоположность природным жителям земли.

КАКОВЫ ПРИЧИНЫ ТАКОГО ЯВЛЕНИЯ?

Как видно из различных текстов Писания, в их числе голод, война, политические катаклизмы и угроза кровной мести. Например, помимо патриархов, *от голода* спасаются на чужбине герои книги Руфь (Руфь 1:1). В 4 Цар 8:1 Елисей отправляет сонмитянку от голода в страну филистимскую.

КАКОВО ПОЛОЖЕНИЕ ПРИШЕЛЬЦА?

Гер лишен и родных, и какого бы то ни было имущества, в противоположность природным жителям земли. Но это не просто социально незащищенный бедняк, это абсолютно бесправный человек. Он не имеет права подать собственный голос в суде у ворот (как и женщины, дети и рабы), он не может выразить и отстаивать свои права. Это касается его права на владение землей, заключение брака, участие в суде, культуре и войне.

Постараемся отграничить наш термин от других, более или менее сходных. Та-

кими являются выражения: *поселенец*, *чужой/чужак* и *иноплеменник*.

toshav (поселенец) — это или синоним слова *ger*, или обозначение менее ассимилированного, недавно переселившегося человека.

zar («чужой», тот, кто вне) — это чаще всего оккупант в ситуации войны, принадлежащий к враждебному, языческому народу (напр., Авд 11).

nokhri — «иноплеменник», «чужеземец». Так говорится, например, об «иноплеменных женах из народов земли», брак с которыми решительно осуждается после возвращения израильтян из плена на родину (Езд 10:2).

КАКОВЫ ОТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ И МИГРАНТОВ?

В Пятикнижии мы находим две линии. Во-первых, это линия яростного сопротивления всяким попыткам к сближению с иными народами, требование не заключать с жителями земли обетованной, поклоняющимися чужим богам, никаких договоров, не приходить к ним в дом, не заключать браков, разбить их жертвенники и т.д. Все это вложено, например, в уста Моисея — при заключении Завета (Исх 34: 11 и далее).

Но, во-вторых, в Торе, даже внутри той же книги Исход, мы обнаруживаем не менее страстную проповедь защиты пришельца-мигранта от всяческих притеснений. Забота о нем, независимо от его этнической и религиозной принадлежности, есть одна из наиболее важных заповедей Того самого Бога, Который потребовал от человека поклонения лишь Ему одному и решительной борьбы со всеми идолопоклонниками. Эта заповедь отнюдь не периферийна, хотя бы потому, что с нее начинается и ею заканчивается свод законов о милосердии к слабому (внутри Кодекса святости в Левите).

Знаменитая заповедь любви к ближнему: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь» (Лев.19:18) — расширяется здесь же за счет повеления любви к пришельцу: «Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любви его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш» (Лев 19:34).

По-своему эта ветхозаветная заповедь любви к своему и пришельцу не менее значительна, чем заповеди о почитании

субботы и исключительного поклонения Богу-Ревнителю.

Так, во Второзаконии мы находим следующие предписания: не попирайте права и не судить превратно пришельца (Втор 24:17, 27:19, 1:16-17), вместе с пришельцем праздновать праздники Пятидесятницы и Кушей (Втор 16:11, 14), отделять для помощи пришельцу, как и другим необеспеченным, раз в три года вторую десятину (Втор 14:28), оставлять для них последний сноп на поле, не собранные маслины на ветвях и остатки урожая винограда на лозе (Втор 24:18-21). Наконец, за уникальным утверждением, что Сам Бог Израиля «любит переселенцев — дает им еду и одежду», непосредственно следует категорический императив: «Любите переселенцев и вы...» (Втор 10:18-19).

КАКОВЫ ПРИЧИНЫ ДЛЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ» К ПРИШЕЛЬЦАМ/ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ?

Во-первых, израильтяне и сами были переселенцами в Египте и знают, почему этот горький хлеб, ради которого человек и в древности, и сейчас отправляется на чужбину: «Не обижай переселенцев. Вы сами знаете, каково человеку на чужбине, — ведь вы были переселенцами в Египте» (Исх 23:9, перевод РБО).

Во-вторых, в случае неповиновения людей Закону, за пришельцев вступится Сам Господь: иная внешность, иной язык для Него не препятствие, Он восстановит справедливость в тех случаях, когда ее оказалось невозможно добиться человеческими методами. Исх 22: 21, 23-24: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. 23 если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, 24 и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами». Поскольку Господь и только Господь владеет землей, на которой живет народ Божий (что нашло свое практическое выражение в законах, касающихся владения землей в Израиле), никто из людей не может назвать себя здесь хозяином, все люди — лишь «геры» на этой земле: «Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня», — говорится от лица Бога в Лев: 25:23

Мотив, с большой силой прозвучавший в Пятикнижии, продолжается, например, и в Псалтири. Пс 145:9 высказывает уверенность, что «Господь хранит пришель-

цев», равно как и сироту и вдову. Отсюда ужас псалмопевца в связи с распространявшимся в Израиле злом, когда «вдову и пришельца убивают, и сирот умерщвляют, и говорят: «не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев» (93:6-7). «Странником» (непоследовательный перевод слова *ger*) псалмопевец называет самого себя, как и всех отцов своих: «Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник (*ger*) я у Тебя [и] пришлец как и все отцы мои» (Пс 38:13, ср. Пс 118:19).

Выводы

Таким образом, беглый обзор контекста употребления термина *ger* показывает:

1. Пришелец, в традиционном обществе очевидно лишенный главных гарантий из-за вынужденного выпадения из родственных связей, охраняется определенными нормами. Общество призвано его поддерживать как социально, так и материально. К таким мерам относятся справедливые суд, отделение в его пользу второй десятины, возможность участия в праздниках, оставление для таких людей части урожая и т.д. Он имеет право также на участие в культуре.

2. Наличие таких норм опирается на: а) историю как всего народа в целом, который знает по Египетскому плену, «каково быть переселенцем», так и историю всех его патриархов;

б) особую милость Бога Израильского к пришельцу, которого Господь кормит, одевает, всегда слышит и любит так же, как коренного жителя. Это качество Бога не только не противоречит, но находится в прямой связи с тем, что Он избрал именно израильский народ в качестве Своего собственного народа-удела, а также с тем, что как Бог-Ревнитель Он не терпит поклонения никаким иным богам.

3. Многие тексты Ветхого завета достигают очень высокой духовно-нравственной планки в своем утверждении равенства пришельца-мигранта с коренными жителями. Это равенство зиждется, конечно, не на абстрактно-гуманистических или демократических идеях, а на признании особого права любящего Бога в отношении всех без исключения людей, живущих на Его, Бога, земле: «Вы пришельцы и поселенцы у Меня», говорит Господь обо всех людях.

Фрагменты доклада Ольги Сушковой
«О понятии *ger* (пришелец) в Ветхом Завете»

Личное молитвенное правило — неотъемлемая часть церковной жизни каждого современного православного христианина. В сознании многих оно неразрывно связано с молитвословом — набором утренних и вечерних молитв, имеющих номера или названия и выстроенных в определенной последовательности.

Представляется важным понять, насколько идея личного молитвенного правила соответствует церковной традиции и Преданию Церкви, и проследить, как и когда в истории появилась традиция молитвенного правила для мирян, как возникли молитвословы, какие были и есть варианты личного молитвенного правила.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИЧНОГО МОЛИТВЕННОГО ПРАВИЛА В ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Молитва в первые века христианства

В Евангелии Христос дает ученикам молитву «Отче наш» (Мф 6:9–13, Лк 11:2–4), в которой учит обращаться к Богу-Отцу не от себя лично, а от собрания, также Он говорит, что «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). «Деяния апостолов» свидетельствуют, что после Вознесения все апостолы «единодушно пребывали в молитве и молении», а после Пятидесятницы, когда к апостолам «присоединилось душ около трех тысяч, ... они постоянно пребывали в учении, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян 2:41–42).

Св. Игнатий Богоносец (†107, Рим) пишет в послании к магнезийцам: «Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное у вас, если будете это делать сами по себе; но в общем собрании да будет у вас одна молитва, ... один ум, одна надежда в любви и в радости непорочной».

Св. Ипполит Римский в «Апостольском предании» (первая треть III века) пишет о том, что верные должны молиться, восстав ото сна, в третий, шестой, девятый час, перед сном, в полночь и при пении петухов. «Если же будет поучение и будет Слово Божие [читаться], то пусть каждый предпочтет лучше идти в то место... Ибо кто молится в церкви, тот сможет избежать опасности дня. ...Каждый пусть усердно ходит в церковь — место, где процветает Святой Дух. Если же в какой-либо день не будет поучения, тогда каждый, хотя бы у себя дома, пусть возьмет святую книгу и читает в достаточной степени то, что, как ему кажется, принесет пользу».

Памятники IV века приводят свидетельства о том, что христиане собирались дважды в день в храм на богослужение. Так в «Дневнике Эгерии» подробно описывается ежедневная вечерня и при этом упоминается, что «все люди собираются еще раз в храме», то есть они уже собирались в этот день на утреню.

«Апостольские постановления св. Климента Римского» (последняя четверть IV века) свидетельствуют о ежедневном участии в утреннем и вечернем богослужении как о норме христианской жизни: «А когда ты, епископ, поучаешь, то приказывай и убедительно внушай народу, чтобы прилежно ходил в церковь каждый день утром и вечером и отнюдь не оставял собрания, но ходил в оное постоянно», хотя для достижения этой нормы уже приходится «приказывать и убедительно внушать».

В первые века христиане имели общую веру и молитву; соборная, церковная молитва являлась основой и дополнялась личной молитвой; жизнь была целостной, необходимостью в регламентации личной молитвы — личном молитвенном правиле — не было.

Появление личного молитвенного правила как келейного правила в монашеской традиции

Традиция скитского жителства восходит к первым векам монашества и прослеживается в неизменном виде на протяжении около полутора тысяч лет от первых монастырей IV века в Египте и Палестине, монастыря св. Саввы Освященного († 532), афонских монастырей до Нило-Сорского скита — уникального явления в истории русского монашества XV–XVII вв. Пресвитер Руфин в своем произведении «Жизнь пустынных отцов» (конец IV в.) называет основные принципы организации жизни монастыря скитского типа: уединение каждого инока, общее богослужение раз в неделю, малая соборность (в скиту живет по несколько иноков), возможность получить духовное наставление. Средоточием общей монастырской жизни в скиту был храм. Каждое воскресенье и в праздники служили «всенощное скитское и обедню». В субботу около шести вечера иноки собирались в храме на вечерню, после чего ставилась общая трапеза, если день был непостный. После тра-

СОБОРНО ИЛИ КЕЛЕЙНО?

Преподобные Антоний Великий и Павел Фивейский. Коптская икона

пезы иноки проводили время в беседах духовных или в «прочтении» Святых Писаний — это было время духовного общения монахов скита. Кому «требовалось вкусить сна», мог немного отдохнуть до «сумрака». В первом или во втором часу ночи начиналось всенощное бдение.

В начале службы, по прочтении первых трех кафизм и канона Богородицы, все садилось в молчании и со вниманием слушали «прочитаемое» из Святых Писаний и житий. Читать Писания полагалось не торопясь — «якобы разказуя, не како простою речию», слушающие могли спрашивать пояснения и толкования на непонятные тексты. После чтения начиналась исповедь: брат, стоя перед иконостасом, исповедовал всея братии свои согрешения. Чтение писаний и исповедь продолжались два-три часа.

Утренняя в скиту заканчивалась в седьмом часу утра, за ней следовали чтения первого часа, и все расходилось по кельям. Затем вновь собирались на молебен и обедню, в конце службы все просили прощения друг у друга и расходились по кельям, пребывая в них «не исходяще... кроме благословенных вин дондеже паки сход будет».

Келейное правило иноков скита было большим. Но мера для каждого монаха могла устанавливаться отдельно — каждому «противу силы своея», так как «немошным несть Устава... но елико кто может вместити да вместит»¹.

Жизнь монахов была общей, в центре ее была храмовая молитва в субботу и воскресенье, чтение Писания, духовные беседы, общение и размышление, даже исповедь происходила перед всей братией. Пропускать общее богослужение строго запрещалось: «Не бывшему же на очередном бдении пусть ничего не принимается в извинение»². В остальные дни они исполняли молитвенное правило келейно, правило это представляло собой, в основном, те же службы, что и в храме, дополненные псалмопением и многократным чтением кратких молитв.

Келейное правило на Руси

В XII веке епископ Кирилл Туровский, один из наиболее известных и почитаемых на древней Руси проповедников и писателей, названный своими современниками и потомками «Златоустом, просящим паче всех на Руси», создал цикл из 21 молитвы на всю седмицу. Составляющие этот цикл молитвы были предназначены для ежедневного чтения в монастыре — по одной после вечерни, утрени и часов. По своему содержанию они соотносились с церковным значением седмичных дней. Этот цикл молитв известен

по большому количеству списков древнерусского и южнославянского происхождения XIII и последующих веков, а с конца XVI века и в течение XVII столетия его неоднократно включали в старопечатные молитвословы.

Входит он и в одну из рукописей XVI века — Рукопись РГАДА. Син. тип. (ф. 381). 220, представляющую собой Следованную Псалтирь, дополненную выдержками из Октоиха, Минеи, Пролога, Трефолая, Триоди³. Часослов, выписанный в этой рукописи полностью, содержит не только последования обычных суточных служб, но и утренние и вечерние молитвы для келейного чтения. Часть молитв для келейного чтения сохранилась в молитвословах до сегодняшнего дня.

Довольно неясным остается вопрос, как келейное правило, предназначенное для монахов, трансформировалось в правило частной молитвы для мирян, при этом в литературе оно, как правило, тоже называется «келейным». Есть точка зрения, что примерно с XIII–XIV вв. повечерие и полунощница стали восприниматься как частные молитвы вечером и утром⁴.

«Домострой» протопопа Сильвестра XVI века описывает «Как мужу с женою и з дочащаты в дому своем молитися»: вечером «отпети вечерня павечерница полунощница» всей семьей, а утром мужу следует «отпети заутреня и чась», при этом он должен не пропускать «по вся дни церковнаго пения вечерни заутрени обедни».

В 1522 г. или несколькими годами позже Франциск Скорина подготовил к печати и издал «Малую подорожную книжицу», представлявшую собой Псалтирь с воследованием, в которую включил два своих акафиста с именными акростихами. Это издание послужило основой для значительного числа рукописных и печатных Акафистников XVI–XVII веков, которые состояли из нескольких акафистов с канонами, вечерних и утренних молитв, правила к причащению и молитв после причащения. В последующие столетия эта книга под названием «Молитвослов» получила широкое распространение и «стала основной «литургической» книгой русских людей, молитвы которой заменили древние уставные последования»⁵.

Таким образом, вечерние и утренние молитвы, составившие Молитвослов, изначально представляли собой приложение к повечерию и полунощнице, но со временем странным образом вытеснили их и получили самостоятельное существование: осталось «приложение без того, куда оно приложено»⁶.

С конца XIX века молитвословы перепечатываются практически без изменений⁷.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

В Русской православной церкви можно наблюдать единодушие по отношению к тому, что у православного христианина должна быть ежедневная личная молитва, и довольно широкий диапазон мнений по отношению к вопросу, каким должно быть личное молитвенное правило. В телепередаче «Православная энциклопедия» от 14 марта 2009 года⁸, посвященной этому вопросу, высказывалась точка зрения, что «надо соблюдать то, что Церковь установила: читать вечернее и утреннее правило», даже приводился случай, когда священник не допустил к причастию из-за неполного вычитывания ежедневного правила. В то же время многие признают, что, хотя молитвословы и воспринимаются как некая необходимая составляющая духовной жизни мирянина, не следует слишком завышать статус сегодняшних молитвословов и даваемых в них молитвенных текстов как единственной возможной нормы устройства молитвенной жизни; что утренние и вечерние молитвы не соответствуют тому принципу, по которому устроено православное богослужение — принципу соединения неизменяемой и изменяемой части, серьезным недостатком является и отсутствие в молитвенном правиле библейского материала. Однако, даже признавая наличие проблемы, участники дискуссии по этому вопросу останавливаются перед необходимостью пересмотреть свои экклезиологические взгляды. Так, протоиерей Максим Козлов, с одной стороны, считает, что «к молитве нужно относиться творчески», а с другой, что правило можно дополнять, но нельзя заменять и сокращать; «хорошо бы, чтобы миряне не сами размышляли, какой тропарь вставить в честь праздника в свое правило, а чтобы Церковь предложила им общеприемлемые варианты», и что необходимо «при любой корректировке устава следовать одному правилу: «Не колебать того, что твердо стоит»».

Эти вопросы обсуждались на международной конференции «Часослов и службы суточного круга: история и современная практика», организованной Общечерковной аспирантурой и докторантурой им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия (15 апреля 2010 года). Однако большинство участников лишь затрагивало проблему, описывая ее, но не предлагая реальных путей изменения церковной ситуации.

Тем не менее, выступления говорили о серьезности сложившегося положения. Так, профессор факультета теологии университета Осло Симеон Фрейсхоф, широкая сфера научных интересов которого включает и проблему отношения литургии к экклезиологической норме, отметил в своем выступлении, что соборная молитва является частью Предания Церкви, в то время как частная молитва такой частью не является. Это означает, что личное молитвенное правило всегда является неким компромиссом, связанным с тем, что Церковь и человек в ней существуют в конкретных исторических обстоятельствах. Компромисс этот является оправданным, когда есть укорененность личной молитвы в регулярной церковной молитве, есть ответственность за соборное богослужение, есть опыт разделения жизни с братьями во Христе. Тогда христианин чувствует свое молитвенное правило «не как некую лишь обязанность, а как внутреннюю потребность, как духовную норму своей жизни»⁹, как поддержку в стремлении к целостности и полноте церковной жизни.

Доклад Марины Верховской «Личное молитвенное правило в традиции Православной церкви: история и современная практика»

¹ Цит по: Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества. // Исторический вестник № 3, 1999.

² Успенский Н.Д. Чин Всенощного бдения. Глава 2. Преподобный Савва Освященный и происхождение всенощного бдения.

³ Шишкин А.В. Утреннее келейное молитвенное правило по рукописи РГАДА. Син. тип. (ф.381). 220, XVI в. // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2005. Вып. 14. С. 158–161.

⁴ Желтов М.С., дьяк. Утренние и вечерние молитвы. // Портал любителей древнерусского пения и богослужения.

⁵ Желтов М.С., Правдолюбов С., свещ. Акафистник и молитвослов. // Богослужение Русской Церкви, X–XX вв. // Православная энциклопедия. Том «РПЦ». М., 2000.

⁶ Желтов М.С., дьяк. Утренние и вечерние молитвы. // Портал любителей древнерусского пения и богослужения.

⁷ Кочетков Г., свещ. О некоторых современных проблемах укрепления личного благочестия верных в Русской православной церкви. // Перед исповедью и причастием.

⁸ <http://www.sedmitza.ru/text/604350.html>

⁹ Кочетков Г., свещ. О благочестивой христианской жизни (беседа с новоцерковленными). // Перед исповедью и причастием.

НИКИТЕ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУВЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ

Много можно было бы сказать в связи с этим юбилеем.

Можно вспомнить, как почти 50 лет назад Струве написал и издал книгу о преследованиях верующих в СССР — «Христиане в современной России». В результате, с одной стороны, возник комитет в защиту верующих СССР, с другой же — автора «не сохранили», по его собственному выражению, в качестве преподавателя Сорбонны, и когда он был избран большинством голосов преподавателем в Школе восточных языков, его не назначили на должность «по причине слишком антикоммунистической деятельности» (во Франции тогда были достаточно сильны коммунисты).

Можно вспомнить издание книг Солженицына, его сердечные письма: «Пошли Бог всем нам здоровья и удач — еще много с Вами поработаем. Дружески обнимаю Вас!»

Можно было бы отметить удивительное умение «попадать в точку», желание таких людей, как отец Александр Шмеман, со-

отнести свое мнение с оценкой Струве, чаще всего точной и взвешенной.

Но мне вспоминается совсем другое, незаметное, тихое и все-таки ничуть не менее значимое. Семь лет назад, в дни прославления матери Марии (Скобцовой), мы приехали участвовать в этом праздновании. Встретились с руководством Свято-Сергиевского института, с Оливье Клеманом, с представителями ACER и многими другими парижанами. Но главные слова были сказаны, когда мы пришли в гости к чете Струве: «Вы приехали “без четверти двенадцать”. Еще немного, и опоздали бы...» Оказывается, не только нам было важно на глубине прикоснуться к подлинному опыту русской эмиграции, но и тем, кто хранил его и стремился передать, было очень важно дожидаться наследников.

Наверное, именно эта возможность не опоздать — главный повод для радости и благодарности в такие дни, как сегодня.

Редактор

Никита Алексеевич Струве с супругой в Свято-Филаретовской часовне с ректором СФИ свящ. Георгием Кочетковым и проректором Д.С. Гасаком. 2010 г.

Жизнь в Движении

Интервью с Никитой Алексеевичем Струве

Окончание. Начало на с. 1

Мне очень нравится, что в Свято-Филаретовском институте и в общинах братства есть обращение к опыту русской эмиграции — к опыту просвещенного христианства, основанного на свободе в церкви.

Так что я совершенно спонтанно встал на защиту о. Георгия, когда в 1997 году началось преследование, направленное против него и его общины. Из-за этого я даже немного разошёлся с патриархом Алексием. Нужно сказать, что перед этим наше знакомство с ним длилось уже несколько лет. Его детские годы были связаны с Русским студенческим христианским движением, так что он меня встречал как воспоминание детства, того окружения и духа, в котором жили его родители, в котором он рос. Из этого родились наши почти что дружеские отношения. Я просил патриарха Алексия не слушаться каверзных советов и снять не просто удручающее, а скандальное запрещение о. Георгия Кочеткова и двенадцати (надо такое придумать!) его сподвижников. В последний мой к патриарху визит я ему сказал, что готов стать перед ним на колени. Это его страшно всполошило, он вскочил с кресла со словами: «Пожалуйста, пожалуйста, не делайте этого!» Я сказал ему, что считаю происходящее несправедливым и жестоким, что такая мера наказания ничем не оправдана. Он ничего на это не ответил. Я спросил, могу ли я еще к нему приходить, он сказал: «Конечно, приходите». Но больше я к нему не вернулся.

К счастью, два-три года спустя прещения с о. Георгия и с членов братства были сняты.

— Отец Александр Шмеман называл фундаментализм ересью. Как Вы считаете, это действительно так? И есть ли какое-нибудь лекарство против фундаментализма?

— Боюсь, что лекарства от него нет, разве что через повышение церковной культуры. Фундаментализм не ересь — в том смысле, что это не отклонение от каких-то догматов. Но это сакрализация всего второстепенного в церкви. Догматы, определенные семью Вселенскими соборами, не подлежат изменению, но при этом свобода мысли должна оставаться: «Где Дух Господень — там свобода», — говорит апостол Павел. Фундаментализм же — это в первую очередь отсутствие свободы, скованность, примитивизм, пожалуй, хуже, чем ересь — измена духу Евангелия.

Без свободы нет любви, потому что нельзя любить насильно. Без свободы нет истины, потому что истину нужно принимать не как что-то «предписанное заранее». Я очень жалею, что сейчас недостаточно вспоминают, особенно в связи с недавним юбилеем, такого выдающегося богослова, как А.С. Хомяков. Ведь он истинный пророк свободы в церкви. А для церкви самое важное — чтобы она жила свободой и в свободе.

Беседовала Анна Алиева
В основе интервью лежит видеосюжет, опубликованный на сайте СФИ

РЫЦАРЬ СВОБОДЫ И ВЕРЫ

Интервью с ректором СФИ свящ. Георгием Кочетковым о главном редакторе журнала «Вестник РХД», члене попечительского совета СФИ Никите Алексеевиче Струве

— Отец Георгий, когда и в связи с чем Вы услышали имя Никиты Алексеевича Струве?

— Это было достаточно давно, и я сейчас могу не очень точно помнить. Скорее всего, это было где-то в середине 1970-х годов, когда я получил доступ, хотя и очень ограниченный, к журналу «Вестник РСХД» (т.е. «Вестник Русского христианского студенческого движения»; в названии движения тогда еще было слово «студенческое»). Я с большим удовольствием брал эти журналы и читал их от корки до корки. Они мне очень нравились. Конечно, это было связано и с именем главного редактора.

Журналы я получал из рук Николая Евграфовича Пестова, замечательного человека, который помогал многим людям, часто рискуя своим благополучием, и который энергично служил своему призванию — распространению просвещения, сохранению традиции Русской церкви, — т.е. тому же, чему в других условиях служил Никита Алексеевич Струве. Поэтому и было такое духовное родство «мечевских» кругов и круга «движенцев» в русском зарубежье среди эмигрантов первой волны. Это родство было неслучайным, а потому и понимание того, что и как делает Никита Алексеевич, было достаточно полным и серьезным. Оно возникло не на пустом месте, но именно на почве единства жизни и устремлений, единства понимания слова Божьего, церковного призвания и церковной реальности.

— Никита Алексеевич известен с разных сторон: он и издатель, давший жизнь многим книгам, которые не могли быть изданы на родине; он и член РСХД, много сделавший, чтобы жизнь этого движения продолжалась; он и просветитель, не только издававший замечательные книги, но и приложивший усилия для их распространения. Что бы Вы выделили как наиболее ценное для возрождения церкви и общества в России?

— Для России всё имело значение, так как Никита Алексеевич никогда не замыкался на интересах узкого круга людей или тем более на собственных интересах. Он был и остается действительно человеком Русского христианского студенческого движения, «движенцем» по духу всегда, всю жизнь. Никита Алексеевич издавал журнал «Вестник РСХД» (потом он стал называться «Вестник РХД») и всегда налаживал связи с Россией. Не случайно на титульном листе журнала было обозначено, что он готовится и выходит в Париже, Нью-Йорке и Москве. Это действительно было в большой степени так. Понимать, что происходит в тогдашнем СССР, постоянно получать рукописи, держать связь с читателями, авторами, иметь там корреспондентов — всё это требовало, конечно, большого мужества. Ведь за такой журнал люди могли и репрессировать. Он считался в то время антисоветским и

читать его открыто было абсолютно невозможно. Нельзя было даже более-менее открыто передавать его из рук в руки. Именно поэтому столько десятилетий издавать такой журнал — это уже само по себе большой подвиг. Только за это Никита Алексеевич достоин особой благодарности, если смотреть в контексте возрождения церкви и русской культуры.

Конечно, здесь всё важно: и то, что Никита Алексеевич — «движенец» по духу и по смыслу жизни, и то, что он просветитель, издатель и редактор и просто умный, тонкий человек, необыкновенно целеустремленный, знающий и воспринимающий многие духовные тайны; человек, который всегда отличался высоким качеством своей жизни, устремленный к этому качеству, никогда не ограничивающийся никаким житейским благополучием или тем более чем-то замкнутым, самолюбивым, гордым или унылым по духу. Конечно, Никита Алексеевич в этом смысле сейчас, может быть, «последний из могикан» — из тех, кто представляет ту культуру, ту жизнь и ту веру, которые питали в себя всё лучшее, что было в прошлом в истории России и Русской церкви и что есть сейчас. Его значение для возрождения нашей церкви переоценить невозможно, хотя это возрождение идёт непросто и не так быстро, как хотелось бы. К сожалению, не так много людей трудится для достижения этой цели, и, может быть, Никита Алексеевич здесь должен быть назван одним из первых.

— Когда и как Никита Алексеевич познакомился с нашим движением, с Преображенским братством?

— Скорее всего, Никита Алексеевич познакомился с ним через мои первые статьи — «герасимовскую» и «богдановскую», — которые он полностью напечатал ещё в конце 1970-х и в первой половине 1980-х годов. Он не однажды публиковал мои произведения, причём, как это ни удивительно, в полном объёме, несмотря на такую их откровенность, которая пугала многих, даже видавших виды людей. Плюс к этому, как только он получил возможность открыто приезжать в Россию — тогда ещё в СССР, — я сразу связался с ним через своих друзей, и мы познакомились. Это было где-то в конце 80-х годов. Ещё у нас были общие близкие люди, общие знакомые, друзья, прежде всего такие, как Сергей Сергеевич Аверинцев, которые нас также тесно связывали. Но всё же я думаю, что внутреннее тяготение друг к другу у нас возникло сразу, и наше знакомство сразу получило продолжение. Разумеется, это не могло не привести и к возможному близкому знакомству Никиты Алексеевича с нашим движением, с нашим братством, с нашим институтом и с конкретными людьми.

— Известно, что в ситуациях, когда на наше братство распространялась клевета,

Никита Алексеевич всегда старался нас защитить. В чём в первую очередь заключалась эта защита?

— Никита Алексеевич всегда много общался с людьми, в том числе с людьми значительными. Вдобавок к этому он был довольно близко знаком с патриархом Алексием II. Поэтому, когда начались гонения на братство, он быстро разобрался в ситуации, быстро её оценил и, конечно, однозначно и бескомпромиссно встал на нашу защиту. Он начал говорить о нас с разными людьми, выражать своё мнение, например, в парижских кругах, что не всем там нравилось, и, уж конечно, не нравилось многим здесь, в России.

1990-е годы были трудными и очень противоречивыми годами в истории нашей церкви. Никита Алексеевич со свойственными ему честностью, открытостью, дерзновением, всё тем же умом и бесстрашием каждый раз, когда заходила речь о нас, — а тогда о нас говорили много, и было много публикаций и за, и против, — всегда однозначно выражал свою позицию. Кроме того, он публиковал материалы — и наши, и о нас — и ни разу не допустил ни одной подлой публикации. Он поддерживал разномыслие и разные позиции, но никогда не допускал подлости и клеветы. Этому можно только поражаться, ведь на него оказывалось серьезное давление, как и на Сергея Сергеевича Аверинцева, который делал нечто подобное здесь, в нашей стране.

— Никита Алексеевич едва ли не единственный из эмиграции первой волны, кто полноценно вернулся на Родину, когда это стало возможно. Но одновременно он остался в Европе, где прожил всю жизнь. Что это — стечение обстоятельств или позиция? Почему другие так не смогли?

— Уверен, что это позиция, сознательное действие. Никита Алексеевич хорошо понимает реалии жизни в современном мире — и во Франции, и в России, — он слишком хорошо знает нашу историю и нашу реальность, для того чтобы взять и просто уехать из Франции, уйти из старой жизни. В то же время он, конечно, не может не быть вместе с Россией, вместе с народом, не служить ему всей своей жизнью. В этом отношении он уникальный человек. Его интуиция, опыт и ум, его культура и сила духа позволили ему нигде не перейти границы. Он всегда был защитником правды Божьей, справедливости, защитником гонимых и притесняемых, поборником настоящего творчества, без которого нет ни полноты церковной жизни, ни развития культуры. Он буквально хранитель уникального пласта памяти, который ещё, я уверен, будет раскрываться. Я представляю, какие архивы хранятся у Никиты Алексеевича... Дай Бог ему сил, здоровья и благоденствия, чтобы продолжать своё великое дело!

Информационная служба СФИ

150 ЛЕТ НАЗАД БЫЛО ОТМЕНЕНО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В РОССИИ. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ НАС СЕГОДНЯ?

ПЛОДЫ РАЗНОПРАВИЯ

Интервью с Андреем Борисовичем Зубовым, доктором исторических наук, профессором МГИМО, ответственным редактором двухтомника «История России. XX век»

— Вы неоднократно говорили, что считаете крепостное право одной из главных причин катастрофы, которая произошла в России в XX веке. Почему? Какая, на Ваш взгляд, существует связь между двумя этими историческими явлениями?

— Именно крепостное право превратило большую часть населения России (примерно 85–90%) в бесправных рабов. Начиная с Петра I в стране было уже крепостное рабство. Это были крестьяне как государственные, так и отданные в частное владение, хотя в то время и они считались государственными. Их просто отдавали в частное пользование для обеспечения дворян. Ужас крепостного права заключался в том, что часть русских людей, таких же русских людей, той же православной веры, могла обладать всей полнотой прав над другими такими же русскими людьми (правами на имущество, правами на организацию личной жизни — ведь не могли жениться крепостные, не могли выходить замуж без разрешения господина). Рабами оказались люди, которые за несколько десятилетий до этого, в 1611–12 годах, спасли Россию от Смуты, голосовали за династию Романовых на Поместном соборе 1613 года, в 1649 году принимали Соборное Уложение, первое в русской истории собрание законов. А теперь они превратились в бесправных рабов — это не укладывалось в сознании крестьян. Положение усугубилось после того, как Петр III и Екатерина II дали полную свободу дворянам, и земли, которые им давали русские цари в пользование, отдали в их частную собственность вместе с живущими на них крестьянами. В 1762 году в частной собственности оказалась большая часть населения России — около 54% всех населявших ее людей. Все это совершенно не могло быть принято крестьянами, и из-за этого вспыхнуло восстание Емельяна Пугачева. Люди желали свободы и равноправия, юридического равноправия. Но восстание, как известно, было жестоко подавлено, а разноправие крестьян и дворян только усугубилось. Теперь крестьяне даже не могли подавать в суды на своих господ. В результате со времен крепостного рабства между высшим русским сословием и народом возникло глубокое разделение. Из-за этого разделения фактически сформировались два народа: высший презирал низший, на что последний отвечал ненавистью.

Второй печальный момент, связанный с эпохой крепостного права, — позиция Русской церкви, которая всецело стала на сторону царской власти и, соответственно, потеряла всякий авторитет и доверие в народе. Это доверие Церковь уже не смогла восстановить. Да, были отдельные замечательные священники, монахи, монастыри, даже епископы, но в целом русским человеком церковь и люди церкви воспринимались как люди ненавистной власти, власти, которая их поработила. Негативное отношение к Церкви очень легко у людей переходило в негативное отношение к вере как таковой. Религиозно активные люди уходили в раскол, уходили в различные секты, например, в штунду. Менее активные — просто теряли веру и, формально оставаясь православными, жили совершенно нецерковной, нехристианской жизнью.

Наконец, третья беда, связанная с крепостным правом, — отсутствие народного просвещения. Для того чтобы удерживать народ в рабском повиновении, послушании, практически было прекращено образование простого народа. Крестьян перестали учить грамоте, перестали им давать хоть какое-то образование. Когда при Николае I в ходе реформ графа Киселева были предприняты первые попытки хотя бы немного освободить государственных крестьян, оказалось, что среди крестьянского населения грамотными являются всего 1,5%. Это в стране, которая никогда не была завоевана, где народ мог спокойно развиваться. Почему в Германии была стопроцентная грамотность? В Англии была 99-процентная, во Франции — 96-процентная. А у нас в народе была почти стопроцентная неграмотность. Это был результат сознательной политики правительства и самих дворян, которые прямо го-

ворили священникам, которые хотели создавать церковно-приходские школы в период крепостного права: «Нам не нужны образованные рабы, нам нужны рабы послушные. Поэтому вы их учите послушанию, а не грамоте». В результате всего этого народ был необразован: он не понимал, что такое национальное государство, каковы культурные ценности России, все это было ему чуждо, он вообще не понимал, что такое Россия. Народ не имел веры, не имел гражданского чувства и ненавидел высшее сословие. Всем этим воспользовались большевики и, очень легко обольстив народ, захватили власть в стране. Вот почему наша национальная катастрофа XX века напрямую связана с крепостным правом.

— На Ваш взгляд, освобождение крестьян было запоздалым, поспешным или своевременным?

— По большому счету, народ не надо было поработать. Период крепостного права делится на две части: первые сто лет до убийства императора Павла Петровича (1801 год) — это время все большего и большего поработания крепостных. Хотя Павел принимал некоторые законы о смягчении положения крепостных, но при этом он во множестве переводил государственных крестьян в частнособственническое состояние. В этом смысле он только увеличил слой крепостных частновладельческих рабов. Второй период, начиная с Александра I, связан с первыми попытками освободить крестьян. И Александр I, и его брат Николай I прекрасно понимали, что крепостное право — величайшая беда и зло России. В это время всюду в Европе освобождали крепостных, где они еще оставались. Но ни Александр I, ни Николай I не смогли освободить крепостных, опасаясь, что их постигнет участь Павла I, т.е. что дворяне их убьют, потому что дворянство не желало свободы своих крестьян. Когда Александр I в 1803 году провел закон о так называемых «вольных хлебопашцах», который позволил отпускать крепостных крестьян на свободу с землей (а я подчеркиваю: раньше крестьяне не имели права владеть землей на правах частной собственности), то с землей отпустили своих крестьян всего несколько семей на всю Россию, больше никто не отпустил. Когда Александр II проводил свой манифест об отмене крепостного права, три четверти дворян были против его отмены. Поэтому невозможно сказать, запоздалой или своевременной была отмена крепостного права. В принципе, поработание само по себе было величайшим преступлением, но любое длящееся преступление надо когда-то прекращать. В этом смысле то, что сделал Александр II, — это важная, я бы сказал, в тех обстоятельствах — оптимальная форма освобождения крестьян и, как ее назвало само русское общество, — Великая реформа.

— Последствия крепостного права, так же как и последствия тоталитарного советского режима, еще живы в нашем народе. Видите ли Вы возможность преодоления этого всеобщего российского рабства? Может быть, с ним просто нужно смириться как с исторической данностью?

— Нет, смириться с дурным никогда нельзя. Это заведомо неправильно. Необходимо всегда исправлять ошибки. Конечно, крепостное право после событий 1917 года — революции, коллективизации — неактуально. От него, в общем-то, остался только некоторый налет на нашей памяти. Кто был крепостным, кто был дворянином — это уже сейчас неважно, как было бесконечно важно в годы русской революции 1917–22 годов. Крепостному праву просто надо дать соответствующую оценку. А вот о последствиях тоталитарного режима надо говорить. И последствия тоталитарного режима, безусловно, требуют исправления, нашего покаяния. Если бы подобные вещи были сделаны царским правительством и обществом после 1861 года, то, наверное, в России не было бы революции. Так вот, чтобы перед нами не разверзлась новая страшная русская смута, мы должны в изживании советского тоталитарного прошлого обязательно встать не на путь забвения, как было в царское время после отмены крепостного права, а на путь покаяния. Тогда исправление возможно.

Беседовала Юлия Балакшина
Полностью интервью опубликовано на сайте Преображенского братства <http://psmb.ru>

Однозвучно звенит колокольчик...

Историю пишут победители. После поражения в 1917-м мы просидели весь XX век в дурацком колпаке советской пропаганды. Со временем головной убор так прирос к скальпированному черепу, что большинство и сегодня продолжает позвякивать бубенчиками, среди которых один из самых звонких — «крепостное право есть непреходящий атрибут азиатской деспотии» (именно так принято изображать Россию у советских историков по шаблону революционной пропаганды XIX века). Вот уже второе столетие колокольчик звенит не то чтобы однозвучно, но довольно скучно: бим-бом. Крепостное право свойственно только России — бим. Крепостное право есть рабство — бим. В рамках газетной заметки вряд ли удастся «окончательно» решить вопрос, но ослабить веревочку все же попробуем.

Как и любое нормальное государство, Российское стремилось поддержать свое существование, обеспечить жизненное пространство. Это ведь только советская власть собиралась «отмереть». Целью едва выбравшегося из смуты Московского царства было владение главным (как сейчас энергоресурсы или информация) богатством эпохи — землей. Колонизация новых территорий требовала мобилизации огромных ресурсов. К этому времени преследуя ту же цель уже не первое столетие обламывали зубы передовые европейские хищники. Включившееся в гонку молодое русское государство должно было решать сходные задачи: преодоление сепаратизма феодальной знати, установление единых законов, развитие национальной экономики, в конце концов, формирование единой нации-народа. Оптимальной формой государства, идеально заточенного для решения таких задач, всем цивилизованным миром считалась абсолютная монархия.

Эта исторически обусловленная форма европейской монархии была воспринята Россией по образцу мирового гегемона и самого централизованного государства XVII-XVIII вв. — Франции. При этом русским приходилось действовать в гораздо более жестких условиях. Суровый климат — «не наколот дров — замерз и умер», открытая всем ветрам и завоевателям огромная равнина, отсутствие естественных границ между метрополией и колониями. Все это требовало несравненно больших затрат на создание и существование таких фундаментальных элементов абсолютизма, как централизованная бюрократия и регулярная армия. Масштабная мобилизация ресурсов страны для решения задач абсолютистского государства и подвигла российское самодержавие прибегнуть к такому общепринятому в Европе способу, как крепостное право. Дворяне — опора престола — служили офицерами и чиновниками, защищая и управляя, духовенство молилось, купцы снабжали, а крестьяне кормили.

В Европе крепостная система сложилась раньше, чем в России, еще в средние века. К XVII веку она переживала свое второе рождение. Наиболее суровые формы крепостное право приобрело после Тридцатилетней войны (1618 — 1648). Широко известное положение Помещичьего устава 1740 года, принятого в герцогстве Шлезвиг-Гольштейн, определяя права и обязанности крестьян, гласило: «Ничто не принадлежит вам, душа принадлежит Богу, а ваши тела, имущество и всё, что вы имеете, является моим». В немецких княжествах, Австро-Венгрии, Польше, Скандинавии крепостное право просуществовало до XIX века. При этом в Европе крепостное право было тяжелее, чем в России. Так как, во-первых, барщина — работа на помещика — занимала 6 дней в неделю, а в России — 2–3 дня. Не говоря уже о том, что многие русские помещики практиковали оброк. Помните классика? «Ярем он барщины старинной/Оброком легким заменил» (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»).

А, во-вторых, русские крестьяне, в отличие от европейцев, не были лишены земли.

Более того, они сами могли иметь крепостных. Крепостные пользовались правами участников гражданского оборота. Могли совершать сделки купли-продажи аренды, и т.д. от своего имени, чего не могли рабы. Они могли свободно перемещаться по стране с уведомлением выбранного ими старосты, могли покупать в городах мануфактуры, работать в городе (как, например, миллиардеры Рябушинские). Чего, разумеется,

рабы тоже не могли. Крепостные имели право свободно заключать браки, оставлять наследство, завещать его и т.д. И самое главное — их нельзя было убивать, как рабов, безнаказанно. В уголовном кодексе для них не было изъятий. Таких садистов среди помещиков, как пресловутая Салтычиха, были единицы. Они осуждались общественным мнением, своими же собратьями-дворянами, и подвергались уголовному преследованию вплоть до пожизненного заключения. Это были те редкие случаи, когда решения государственного суда поддерживало общественное мнение.

Начиная с царствования Александра I русское правительство целенаправленно занималось решением крестьянского вопроса, направленным на ограничение и отмену крепостного права. Отмена крепостного права в 1861 году была подготовлена десятилетиями кропотливой работы профессионалов-невидимок — управленцев, юристов, экономистов. Тем временем промышленная революция в Англии, затем во Франции, локомотивом которой была легкая промышленность, совершалась во многом благодаря рабскому труду. Именно миллионы рабов в колониях обеспечили хлопок европейские мануфактуры. Только официальная отмена рабства в Британской империи состоялась в 1838 году, во Франции — в 1848-м. В Соединенных Штатах рабство было отменено на два года позже, чем крепостное право в России. В результате самой кровопролитной в истории США войны — Гражданской. При этом, как вы думаете, кого в этой войне поддерживали «передовые», промышленно развитые Англия и Франция, а кого — «отсталая» Россия? А вот и не угадали. Союзниками рабовладельцев Юга были англичане и французы, а сражавшихся за отмену рабства северян — «отсталая восточная деспотия».

Каково участие в отмене крепостного права в России православной церкви?

Наиболее ярко это видно на примере митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Общеизвестно, что окончательную редакцию Манифеста об освобождении крестьян от 19 февраля 1861 года сделал митрополит Филарет. Но так же общеизвестно, что он считал это освобождение преждевременным. Именно преждевременным, слишком скорым после «замораживающего» царствования Николая I. Святитель Филарет отнюдь не был противником отмены крепостного права, как об этом пишут советские учебники истории. Митрополит был реалистом. Он опасался возможных беспорядков. Дело в том, что вопрос об освобождении крестьян был тесно связан с вопросом о земле. Освобождение крестьян без земли грозило обнищанием люмпенизацией, а наделение их землей нарушало право частной собственности на землю единственных, кроме государства, собственников земли — помещиков. Правительство выбрало компромиссный вариант — освободить крестьян с правом пользования (но не собственности) и последующим выкупом земли. Митрополит Филарет и его единомышленники склонялись к тому, чтобы вначале подготовить из крестьян граждански зрелых и ответственных собственников земли, а потом уже освободить от крепости. Вспыхнувшие после отмены крепостного права бунты показали обnoxiousность такого подхода.

К сожалению, крестьянский вопрос так и не нашел своего решения в Российской империи. Увы, даже самая отчетливая попытка, реформа Столыпина, провалилась. И не из-за каких-то там помещиков. Мужички сами сказали свое гогучее «не хотим». Не надо нам всех этих хуторов-отрубов. Окончательно вопрос решили большевики. Из пары крестьяне-земля они вычли крестьян.

Сейчас крестьянский вопрос не актуален. В РФ большинство населения отнюдь не «крестьяне», и даже не «рабочие», а скорее «программеры». Да и во всем мире фермерские хозяйства сохраняются скорее как экзотика. Их место занимают крупные компьютеризированные агропредприятия. А крепостное право? Оно, похоже, бессмертно. Во всяком случае, это подтверждают многочисленные примеры работников частных корпораций, оказывающихся практически в личной зависимости от своих работодателей. Что предложат им нынешние наследники митрополита Филарета?

Александр Буров

У Бога не остается бессильным никакое слово

На днях довольно незамеченным прошло 85-летие о. Иоанна Мейендорфа. В представлениях современников его образ тесно сочетался (правда, при этом оставаясь все-таки больше во втором плане) с образом о. Александра Шмемана. Это неудивительно: будучи почти ровесниками, они практически во всем разделяли основные вехи и этапы своего земного поприща. Рождение в дворянских семьях русской эмиграции во Франции; учеба в Свято-Сергиевском институте в Париже; затем почти одновременный переезд в Америку — не по утилитарным соображениям, но из-за явственно переживаемого миссионерского призвания свыше, для созидания новой поместной православной церкви. Свою кончину они также встретили на американской земле, приняв ее — со всем ясным пониманием и ее достоинств, и недостатков — как страну своего земного гражданства. Как заметил сын о. Иоанна Павел Мейендорф, если его отец был прежде всего великим ученым, то о. Александр — великим пастырем и проповедником. Возможно, поэтому о. Иоанн находился как будто немного в тени своего знаменитого коллеги.

Интересно, что и отношения

к своим духовным учителям у них были схожими. Оба до последних дней хранили самую светлую, нежную память об архим. Киприане (Керне). Оба с таким же единоклассником сдержанно (если не сказать более резко) относились к о. Сергию Булгакову.

Правда, у о. Александра эта позиция по отношению к наследию о. Сергия не была, быть может, настолько однозначной: резкие записки в его знаменитых «Дневниках» все-таки в определенной степени сглаживаются хотя бы статьями, написанными к 20-летию кончины о. Сергия. Сам факт отклика на подобный юбилей значит очень много: ведь благодаря усилению памяти происходит не только сохранение живого облика личности для не знавших ее «по плоти», но и творческое восстановление и обновление этого образа¹. У о. Иоанна (по крайней мере, из того его наследия, которое доступно сейчас) вырисовывается гораздо более однозначная неприятельская к о. Сергию позиция. Возможно, как было замечено, это связано еще и с такой исторической подробностью: о. Александр еще застал Булгакова при жизни, слушал в Сен-Серж его лекции; о. Иоанн же судил о нем уже опосредованно...

Возможно, за булгаковской богословской «системой» о. Иоанн не разглядел живого верующего человека с обликом, просветленным всецелой устремленностью к Богу, лишь подчеркнутой страданием смертельной болезни, которое делало этот свет еще более явственным (о чем пишет о. Александр и некоторые другие свидетели последних лет о. Сергия Булгакова). Возможно, здесь имел место и своего рода диалектический момент: Булгаков был настолько выдающимся богословом (безотносительно к факту притягивания или непритягивания его богословия), что новое поколение русских парижских богословов могло пережить встречу с ним только через борьбу и отталкивание. Восприняв вслед за Флоровским идею «вперед, к отцам», Шмеман и Мейендорф оттолкнулись от непосредственных «отцов»...

Произошло ли возвращение к парижским «отцам»? К сожалению, сделать определенный вывод пока невозможно. Из наследия Мейендорфа широко известны лишь его работы по византийскому богословию, богословские выступления на экуменических форумах, да еще известный (и действительно, очень хороший)

Протопресвитер Иоанн Мейендорф (начало 1990-х)

учебный курс по святоотеческому богословию. В следующем году будет отмечаться 20 лет со дня его кончины. Может быть, благодаря хранителю его памяти (если таковые будут) удастся полнее раскрыть и воспринять намеченное им продолжение пути русского богословия. А духовные труды «отцов» русского парижского богословия наверняка обретут,

пусть и не в ближайших к ним поколениях, своих наследников. Ведь у Бога не остается бессильным никакое подлинное слово.

М. Д.

¹ Каким новым и важнейшим «измерением» личности того же о. Александра явились изданные — через двадцать с лишним лет после кончины! — его «Дневники», причем даже для близко знавших его.

Протоиерей Сергий Булгаков

Окончание. Начало на с. 2

«Почему так хорошо запомнил я эту минуту?» — спрашивает сам себя отец Александр. И отвечает: «Потому, думается, что воспоминание о ней невольно возвращалось ко мне всякий раз, что читал я и слушал обвинения о. Сергия в «пантеизме» и «гностицизме», в стирании грани между Богом и тварью, в обожествлении мира... Обвинения эти так очевидно противоречили тому что, по всей вероятности, поразило и всегда поражаало меня больше всего в о. Сергии: его «эсхатологизм», его всегдашней радостной, светлой обращенности к концу. Из всех людей, которых мне довелось встретить, только о. Сергий был «эсхатологичен» в прямом, простом, перво-христианском смысле этого слова, означавшем не только учение о конце, но и ожидание конца».

С этих позиций Присутствия о. Александр оценивает богословские искания о. Сергия: «В о. Сергии сочетались, и до конца не сливались, как бы два человека: один — «опытный», тайнозритель Божественной славы и радости, раскрывающихся в Церкви, и другой — «ученый», профессор — стремившийся это тайнозрение не только поведать и не только объяснить, но и, так сказать, «без остатка» изложить в философско-богословской системе, с языка «доксологического» перевести на язык дискурсивный. Отсюда и своего рода «стилистическая» неудача о. Сергия: эти два языка у него не сливаются и не претворяются в единый язык, в некое органическое свидетельство. Убеждает и покоряет опыт, святящийся в его писаниях, но как часто не убеждают — а вызывают сомнения и даже возражения — слова и определения. И тут, мне кажется, и лежит путь к разгадке «загадки» о. Сергия, его жизненной и творческой трагедии».

Трагедию Булгакова Шмеман видит в том, что «система его (именно «система», а не бесконечное богатство всего того, что она «систематизирует») не соответствует его опыту».

Да, по мысли Шмемана, в булгаковском богословии нет смирения. «Чего бы он ни касался, он

должен немедленно переделать это на свой лад, переключить, объяснить по-своему. Он как бы никогда не сливается с Церковью, всегда чувствует себя — не только в ней, но и по отношению к ней... И потому успех его богословия только у горсточки «интеллектуалов»... Интеллигент может быть либо «булгаковцем» (мое богословие), либо же «типиконщиком», который а priori в восторге и умилении от всякой стихии, даже самой что ни на есть бездарной... Как ни страшно это сказать, но булгаковское софианство — это марксизм наизнанку, это все тот же ключ, открывающий все двери».

Так внутренние претензии к о. Сергию обретают конкретные формы. Но эти претензии отступают перед ощущением масштаба личности учителя, его религиозной одаренности: «Он действительно был пророком и тайнозрителем, вождем в некую горную и прекрасную страну, в которую всех нас звал он всем своим обликом, горением, духовной подлинностью».

Для о. Александра было важно и то обстоятельство, что почвой о. Сергия было русское православие. Он подчеркивает, что никакой стилизации не было в этом бывшем университетском профессоре: «Сын, внук, правнук,

пра-правнук священников, выросший и духовно сложившийся в церковном быту, о. Сергей был чистейшим аристократом левитской крови. Свою почву он носил в себе, носил и тогда, когда на время ушел в «страну далече», не изменив, впрочем, и тогда своему горному устремлению и перво-родству духовного в себе. Ему не нужно было искать и находить ее. Вернувшись в Церковь, он не в каком-нибудь переносном, а в буквальном смысле вернулся домой и, став священником, вступил в свое, исконное, врожденное. Отсюда, конечно, и та его «сыновья свобода» в Церкви, которую признал в нем и его богословский противник, о. Георгий Флоровский и о которой так часто понятия не имеют новоиспеченные ревнители «истинного православия»».

Для Шмемана русское православие тоже стало почвой. Булгаков и Шмеман были славянофилами особого рода. Вот как Шмеман пишет об их общем с о. Сергием духовном космосе: «Не подлежит, однако, сомнению, что существует внутри вселенского православия особый русский тип его, исторически сложившийся, хотя и не легко определимый. Это почти неуловимое, от слов и определений тускнеющее и увядающее сочетание всего того, что Федо-

тов называл «кенотизмом» («в рабском виде Царь небесный...») с радостным, подлинным пасхальным «космизмом», с какой-то почти нежностью к творению Божьему. То, что каждый русский интуитивно чувствует и любит в белом, радостном образе «убогого старца Серафима», что совершеннее всего воплотилось в русской иконописи и храмостроительстве, в русском церковном пении, в русской «решетке» византийского богослужения; то, наконец, что вне всякого сомнения составляет последнюю и таинственную глубину русской литературы».

Но эта почвенность русского священника важна для Шмемана не сама по себе, а в сочетании с полетом мысли, со свободой сынов Царства.

Тема открытости ко всему живому, подлинному, неизбежно коснуться каких-то спорных, но актуальных вопросов современности роднит двух богословов. И еще их роднит миссионерство среди интеллектуалов.

Проблема отцов и детей решается Шмеманом в свете Преображения и радости богослужения, обретения «неба на земле», а также в творчестве, в тех апологетических текстах, которые направлены не только к «верным чадам Матери-Церкви», но и к миру, тоскующему по целостной вере.

Редакция приносит извинения Елене-Милене Королёвой, о которой в №2(124) ошибочно было написано «сотрудник первого московского хосписа». На самом деле Е.-М. Королёва в течение многих лет трудится в хосписе добровольцем.

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 8 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29, стр. 1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© МОО «Культурно-просветительский центр «Преображение»».

Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
http://gazetakifa.ru

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Александр Копировский, Максим Дементьев, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г.

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Суцеский вал, д. 49
Тираж 1200. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 28 февраля 2011 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 4 марта 2011 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), (499) 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-905-553-6304 (Елена Гольгина), (499) 158-9116 (Валерия Волкова), (495) 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-963-316-3981 (Анастасия Наконечная); США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина); Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)